

КАМИЛА ЛЕВИТАН

ИЗМЕНА МУЖА.
Ты нанял любовницу,
чтобы уничтожить меня!

Камила Левитан

**Измена мужа. Ты нанял
любовницу, чтобы
уничтожить меня!**

«Автор»

2026

Левитан К.

Измена мужа. Ты нанял любовницу, чтобы уничтожить меня! /
К. Левитан — «Автор», 2026

— Завтра ты останешься нищей, Марина. И никто не поверит, что ты невиновна! Десять лет я считала Артёма мужем и партнёром. Вместе мы строили компанию, считали миллионы, планировали будущее. Пока случайно не услышала, как он обсуждает моё разорение с молоденькой ассистенткой. Фотографии моей «измены» подделаны. Переписка сфабрикована. А договор о разделе имущества уже подготовлен так, чтобы забрать у меня всё. Муж уверен: я испугаюсь скандала и подпишу бумаги. Но он забыл, кто десять лет контролировал финансы его империи. Я найду каждый спрятанный перевод. И выясню, кто на самом деле заплатил за спектакль с любовницей. А затем выставлю предателям окончательный счёт.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	18
Глава 7	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Камила Левитан

Измена мужа. Ты нанял любовницу, чтобы уничтожить меня!

Глава 1

Лифт в «Москва-Сити» остановился на тридцать втором этаже и отказался ехать дальше.

Кнопка тридцать третьего горела. Нажала еще раз — на всякий случай, хотя прекрасно понимала, что ничего этим не исправлю. Диспетчер обещал «сейчас посмотреть». Мы платили за обслуживание этой башни столько, что застревать здесь лифту было просто неприлично. Через двадцать минут встреча с инвесторами. Артём уже наверняка посматривает на часы. Однажды я опоздала к нему на четыре минуты: он потом весь вечер называл меня нашей главной статьей непредвиденных расходов. При гостях, разумеется. Наедине это было бы недостаточно весело.

Створки разошлись как раз тогда, когда я полезла за телефоном. Пожарная лестница была рядом. До его кабинета пять пролетов; можно и пешком. На втором каблук застрял в щели между плитками, и я чуть не оставила туфлю позади. Выдернула, придерживаясь за перила. «Надела бы нормальную обувь», — скажет Артём. Это даже предсказывать не надо. До кабинета добралась запыхавшись и поправила волосы перед стеклом двери.

Дверь была приоткрыта. Я взялась за ручку, собираясь привычно спросить, что у нас со встречей, и услышала голос мужа. Он говорил негромко. Даже с сотрудниками по телефону так не разговаривал: обязательно давал понять, кто начальник. А здесь кого-то убеждал, повторял, ждал ответа. Я остановилась, чтобы не войти посреди разговора. Лучше бы вошла. Лучше бы он увидел меня на секунду раньше.

— ...нет, ты не понял. Завтра она будет нищей, — сказал он. Голос звучал глухо, будто он говорил в микрофон гарнитуры, отвернувшись к окну. — Она подписала черновик контракта на раздел активов. Технический документ, Марина не читает сноски, ей некогда. Ей всегда некогда, потому что она занята тем, чтобы быть хорошей женой для человека, которого ненавидит.

Я задержала дыхание. Он говорил обо мне. О моей подписи. До инвесторов оставалось двадцать минут, а я уже забыла, зачем пришла.

Черновик. Тот самый файл, который утром лежал на моем столе вместе с квартальными отчетами. «Подпиши здесь и здесь, Марин, это рутина», — сказал он, целуя меня в макушку, прежде чем выйти из спальни. Я даже не открыла его полностью. Поставила электронную подпись и вернулась к отчетам. Чужие проверяла до последней сноски. Для мужа десять лет делала исключение.

Артём рассмеялся. Коротко, сухо, жестко. Так он смеялся, когда покупал участок дешевле оценочной стоимости. Мой черед попасть в удачную сделку.

— Да, Лера, я знаю. Фотографии готовы? Отлично. Пусть плачет. Это добавляет драмы судье.

Я вцепилась в дверную ручку. Лера. Двадцать шесть лет, месяц у нас. Большие глаза, «Марина Викторовна, я все сделала». Я еще хвалила ее Артёму: наконец-то ничего не приходится переделывать. Он охотно согласился.

Я шагнула вперед, прежде чем успела решить, что скажу. Под каблуком скрипнул пол. Артём замолчал. Ни одного слова для него не нашлось.

Артём обернулся и увидел меня. Поднес свободную руку к телефону, но закрывать микрофон не стал. Просто смотрел. Я ждала хотя бы вопроса — сколько я услышала, что мне показалось. Он нахмурился так, как хмурился на уборщицу, если та входила без стука. За десять лет я научилась отличать эту складку между бровями от всех остальных.

Папка лежала у монитора, открытая. Я подошла и узнала ресторан: мы с аудитором встречались там после проверки. Он передавал мне салфетку — я пролила соус на рукав. На снимке мы почти целовались. Рука с салфеткой осталась за краем кадра. Под фотографией лежала переписка с моим именем. Я прочитала два сообщения, потом еще одно. «Все продам, лишь бы быть с тобой». Я так не разговаривала даже в двадцать лет. Наклонилась посмотреть название аккаунта. Чужой. Только мое фото в кружочке настоящее.

На фотографии был настоящий ресторан. А слова в переписке — чужие. На то, чтобы объяснить эту разницу, мне еще предстояло найти свидетелей.

Я остановилась рядом со стулом. На столе остывал его двойной эспрессо. Он успел выпить половину, пока обсуждал мое разорение.

— Ты следишь за мной? — спросил Артём, сбрасывая звонок. Он не кричал. Он рычал, низким грудным басом, который раньше вызывал у меня мурашки возбуждения, а теперь — тошноту.

Он сделал шаг ко мне. Затем второй. Я попятилась, но спинка стула упиралась мне в поясницу. Путь назад был отрезан.

Артём взял меня за запястье. Сначала я даже не поняла, зачем: хотела обойти стул, он мог просто попросить. Потом сжал сильнее. Кожу зацепило под ремешком часов. Я потянула руку на себя — и стало хуже. Муж смотрел мне в лицо. Мы стояли совсем близко, я видела волосок, прилипший к воротнику его рубашки. Утром снимала с него такой же и целовала в шею. Сколько часов прошло? Четыре?

— Пусти, — сказала я. Голос дрогнул, но слова вышли четко.

Он потянул меня к себе. Стул сдвинулся с тихим скрипом. Мне пришлось шагнуть, чтобы не упасть. Обычно на этой дистанции я уже говорила «хорошо» или «потом обсудим». Сейчас я смотрела на его руку. У большого пальца было белое пятнышко — шрам, который я знала на ощупь. И вот этот палец держал меня, пока я просила отпустить.

В этот момент дверь распахнулась.

Вошла Лера с двумя чашками кофе. Одну она держала за блюдце, другую за ручку. Остановилась, перевела взгляд с папки на наши руки. Я еще успела подумать: поставь чашки, не стой столбом. Она разжала пальцы. Чашка упала именно со стороны свободной руки, хотя держала Лера ее вполне надежно.

Кофе разлился по ковру, фарфор раскололся о ножку стола. Лера поставила вторую чашку на стол.

— Господи! Артём! Что происходит?! — визгливо вскрикнула она, бросаясь ко мне.

Лера обняла меня за плечи. Ее волосы лезли мне в рот. Она провела пальцами под моим глазом, размазав тушь, хотя я даже не плакала. Посмотрела поверх моего плеча на папку, потом на карман Артёма с телефоном. Хотелось вымыть лицо.

— Отойди от нее, — прошептала Лера, обращаясь к мужу, но ее тело развернулось ко мне, блокируя обзор. Она говорила со мной мягко, почти нежно: — Марина, успокойся. Выпей воды. Артём, ты пугаешь ее!

Я отстранилась от нее. Резко, жестко. Лера посмотрела на руку, которой я убрала ее от себя. Я раньше так с ней не делала. Потом вновь улыбнулась, уже совсем осторожно. Меня эта улыбка взбесила сильнее, чем ее телефон.

Лера достала телефон, прикрывая его полой жакета. Нажала кнопку, отправила что-то. Сигнал? Фото моей размазанной туши? Хотелось отнять аппарат, открыть последнее сообщение, но Артём держал мое запястье. Лера убрала телефон раньше, чем я смогла спросить.

Артём наконец отпустил мое запястье. Он поправил галстук, стряхивая с него несуществующую пыль. Его дыхание вернулось к норме. Он сел в свое кожаное кресло и повернул монитор к себе. Я еще стояла перед ним.

— Уходи, Марина, — спокойно сказал он, глядя в монитор, игнорируя разлитый кофе и дрожащую Леру. — Забери свои вещи. Мы обсудим развод завтра. Но помни одну вещь.

Он поднял голову и дождался, пока я посмотрю на него. Лера у стола тоже замерла.

— Если ты попробуешь что-то сделать с документами. Если ты пойдешь к журналистам или к моим партнерам. Я засажу тебя за клевету. За кражу интеллектуальной собственности. За попытку мошенничества с корпоративными активами. Ты знаешь, кто мои друзья в Следственном комитете. Ты знаешь, сколько стоит моя защита.

Я знала фамилии, которыми он сейчас небрежно пугал меня. С некоторыми сидела за одним столом, поздравляла их жен с днем рождения. Представила, как позвоню любому из них, а он уже будет знать про ресторан и чужую переписку. Мне придется начинать с «я не изменяла». Даже не с документов. Пока я оправдываюсь, Артём распоряжается счетами. У него уже все приготовлено; у меня болит запястье и через двадцать минут встреча, о которой можно забыть.

Я молчала.

Я потеряла запястье. Следы пальцев уже наливались красным.

Страх никуда не делся. Но теперь я знала, зачем он положил эту папку на стол. Я посмотрела на Артёма. На Леру, которая уже начала убирать осколки фарфора, бормоча извинения. На разлитый кофе. На папку с фейковыми доказательствами моей измены.

Он смотрел в монитор, словно на этом мы закончили. Можно отпустить жену, заняться делами. Я стояла и считала: какие счета еще открыты на мое имя, где лежат старые версии договоров, кому не успели позвонить.

Двенадцать лет эта компания жила у меня в голове. Сколько стоит участок, какой платеж можно перенести, зачем деньги прошли через три фирмы прежде, чем попасть подрядчику. Артём любил говорить, что строит, а я считаю. Удобное разделение. Особенно когда нужно найти виноватого. На одном переводе осенью мы спорили до двух ночи; я помнила сумму и счет получателя лучше, чем дату нашей свадьбы.

Этот перевод я проверю первым. А потом найду человека, который сможет объяснить судье, зачем мой муж печатает чужие сообщения под моей фотографией.

За дверью меня наконец отпустило: смогла вдохнуть, не подбирая, что ответить. Поправила рукав и пошла к лифту. В кабинете оставались моя подпись и их папка. Сегодня они думают, что этого достаточно.

В лифте я стояла спиной к зеркалу. На запястье багровел след от пальцев мужа. Оттянула ремешок часов и нашла в телефоне номер Виктора Сорокина. Раньше ни разу ему не звонила. Артём при одном упоминании этого адвоката менялся в лице, требовал больше не произносить фамилию за нашим столом. Нажала на нее со второй попытки — с первой попала мимо.

Гудки шли долго. Потом в трубке раздался низкий, хриплый голос:

— Слушаю.

— Виктор, мне нужна помощь. Срочно.

Пауза. На той стороне скрипнул стул.

— Я слушаю, Марина.

— Я знаю, где зарыты трупы.

Глава 2

У кабинета было тихо. Здесь обычно ждали посетители, кто-нибудь листал бумаги, секретарь гремела чашками. Сейчас только мои каблуки стучали по мрамору. На столе у секретаря лежал журнал, открытый на сегодняшней дате. Я прошла мимо. Карта Артёма осталась у него; старая копия карты уборщицы была со мной. Полгода назад я проверяла доступы для аудита и так и не уничтожила ее. Хороший отчет получился: доступ ограничить, копии аннулировать. Свою оставила.

Считыватель сначала показал красный. Я перевернула карту, потом спохватилась: какая разница, какой стороной приложить? Взялась за ручку. Закрыто. Попробовала еще раз, удерживая пластик возле считывателя чуть дольше. На этот раз замок щелкнул. Я толкнула дверь плечом, вошла и придержала ее, чтобы доводчик не ударил по косяку.

Шторы в кабинете были закрыты. Артём не любил, когда солнце падает на монитор; я сама часто опускала жалюзи. Теперь от этого привычного полумрака стало не по себе. Камера над шкафом смотрела на стол, еще одна — на дверь. Я знала, где они стоят. Хорошо бы вспомнить это до того, как вошла. Отступить было поздно: на записи я уже появилась.

После звонка Виктор велел купить отдельный телефон и не связываться с ним через корпоративную сеть. Аппарат лежал у меня в кармане. Камеры он, конечно, не отключал. Я подняла воротник, прикрыла лицо волосами и прошла вдоль стены; на такую маскировку было страшно рассчитывать, но отступить с пустыми руками я не хотела.

До стола дошла, почти ничего не задев. Только бедром зацепила край кресла. Каждый вечер Артём отодвигал его на одно и то же расстояние; раньше мне казалось милым, что я знаю такие мелочи. Папка лежала возле монитора. Я нащупала кожаный угол и повернула ее к себе, не вытаскивая из-под остальных бумаг. Надо будет положить точно так же.

Я раскрыла папку. Фотографии лежали сверху; под ними были сканы переписок, выписки со счетов и документ, от которого у меня перехватило дыхание. Черновик соглашения о разделе активов. Пункт 4: «В случае признания супруги виновной в моральном разложении или клевете, имущество переходит в фонд поддержки детей сотрудников компании». У меня не было детей. Я вернулась к началу пункта. «Виновной». Вот для чего ресторан и чужая переписка. Артём придумал, как объяснить, куда денется мое имущество: помощь детям. Попробуй пожаловаться на такую щедрость.

Руки дрожали так сильно, что я едва могла нажать кнопку камеры. Щелк. Первая страница. Щелк. Вторая. Первый снимок смазлся: пришлось упереть локти в стол и снять страницу снова. Края листа не помещались в кадр; подняла телефон выше, сняла целиком и отдельно — печать с подписью. Запястье горело под ремешком. Последний снимок получился четким. Я проверила, видны ли дата и подпись, и только тогда перевернула страницу.

В нижнем ящике что-то светилось. Я осторожно выдвинула его: планшет. Артём оставил на экране чат с Лерой, даже не закрыл приложение. Глупо было надеяться на такую небрежность, но сейчас она спасала мне время. Прикрыла экран ладонью со стороны камеры, чтобы можно было прочитать сообщение, не засветив весь кабинет.

«Она слишком умная, чтобы купиться на дешевые фото. Нужен компромат на финансовые махинации самой Марины. Если мы обвиним CFO в краже данных, суд арестует активы до развода. Она потеряет всё, включая право голоса.»

Я дважды прочитала «CFO». Они обсуждали меня на моей же должности. Фотографии из ресторана нужны, чтобы я начала оправдываться перед мужем; кража данных — чтобы оправдывалась уже перед следователем. Пока я занята первым, они готовят второе. Я отложила планшет, но тут же взяла опять: на снимок должны попасть имя отправителя, дата и все сообщение. Иначе Артём скажет, что я вырвала фразу из контекста.

И тут в коридоре за дверью скрипнула подошва.

Каблуки застучали по мрамору. Лера? Я прислушалась, надеясь, что шаги свернут к переговорной.

Я подняла голову к камере. Она смотрела прямо на стол. Снимки уже были в телефоне, а запись моего визита — возможно, у охраны. Шаги становились все ближе.

Шкаф стоял немного наискось у окна. За ним оставался узкий промежуток: я как-то ругала уборщицу за пыль в этом месте. Теперь втиснулась туда боком, прижав телефон к груди. Корешок большой книги больно уперся мне под лопатку. Еще чуть-чуть отодвинуться — и меня будет видно от двери. Я втянула живот, будто это могло помочь, и закрыла рот ладонью.

За дверью остановилась Лера. Я узнала ее по звонкому стуку каблуков и услышала, как она дернула ручку.

— Артём? — позвала она тихо. Ответа не было. Только гул кондиционера.

Лера заговорила по телефону.

— Артём, у меня нет доступа. Ты уверен, что она там? Ее видели в коридоре. Она могла войти до блокировки.

Голос Артёма из динамика звучал раздраженным, далеким, искаженным плохой связью.

— Уходи. Если она заметит тебя, план сорвется. Жди в машине.

— Но замок не открывается моим бейджем! — Лера начала рыться в сумке. Звякнул металл. Я невольно посмотрела на дверь: неужели она станет вскрывать ее здесь, в офисе?

Лера не послушалась. Металл скреб по дереву, она тихо выругалась. Значит, действительно вскрывает. Ее Артём тоже не убедил с первого раза. У меня даже мелькнула совершенно дурацкая мысль: приятно, что хоть кому-то он говорит «уйди» без результата. Потом скрежет стал громче, и смешное кончилось.

Треснуло возле замка. Я ударилась лопаткой о корешок книги и прикусила губу. Лера тяжело дышала; железка скребла по косяку.

— Черт... — шипела она сквозь зубы.

Выйти, сказать, что пришла за отчетом? Я отвела ладонь от рта, но Лера снова дернула дверь. Что у нее в руках? Прижала телефон к груди крепче и осталась за шкафом.

Щелк.

Замок сдался. Дверь отворилась. Лера шагнула внутрь с фомкой в руке, прядь волос прилипла к щеке. Достанет меня, если замахнется отсюда? Она повернулась к шкафу.

И нашла меня.

Лера сразу посмотрела за шкаф. Не на стол, не в ящик — на меня. Я стояла с телефоном, она держала фомку и улыбалась. В коридоре кто-то прошел, звякнули ключи. Мне хотелось позвать этого человека, но я представила, что он увидит: жена с телефоном над чужими документами и ассистентка у сломанной двери. Лера аккуратно опустила железку вдоль ноги.

— Я знала, что ты придешь, — прошептала она. Голос был тихим, почти интимным. — Артём сказал, ты не сможешь удержаться от любопытства. Он ждал этого момента три месяца.

Камера снимала стол. Папка ждала меня на виду, планшет лежал включенным. Неужели он оставил все это нарочно? Я посмотрела на телефон в своей руке. Снимки есть, но есть и запись, как я их делаю. Артём представит это кражей. А мне придется объяснять, почему финансовый директор снимает документы тайком, а не берет их для работы. Лера уже открывала свой телефон; она не собиралась давать мне время собраться.

— Вы оба больные, — выдохнула я. Хотелось сказать громче, на весь коридор. Но Лера стояла между мной и дверью. Я посмотрела на фомку и прижалась к шкафу.

Лера пожала плечами и протянула мне свой телефон. На экране светился входящий вызов. Имя: Артём.

— Скажи ей, что я уже вызвал полицию, — произнес голос Артёма из динамика, четкий и властный. — Пусть объяснит, зачем она рылась в моих личных делах.

Лера нажала на спикер, не отводя глаз от моего лица.

— Марина, — начал он.

— Передай следователю и мои снимки, — сказала я. Лера убрала телефон, не дав Артёму договорить, и вышла. Дверь закрылась. За ней осталась Лера; я слышала, как она зовет охрану. Шевельнула затекшей ногой. Взяла телефон обеими руками, открыла чат с Виктором. Снимки прикреплялись медленно. Артём мог забрать аппарат. Пусть попробует забрать копии у Сорокина. Нажала «Отправить», прежде чем связь могла пропасть.

Глава 3

Утром, после того как Виктор добился моего выхода из кабинета и разговора со следователем, я поймала Леру в кофейне на первом этаже бизнес-центра «Аврора». Она сидела за угловым столиком, сгорбившись над ноутбуком, и пила латте на овсяном молоке — мой любимый напиток. Она знала об этом: месяц приносила мне стакан к девяти утра.

— Расписание Артёма за прошлую неделю, — я бросила распечатку на стол, не садясь. Пальцы дрожали, но я старалась не повысвить голос. — Почему у тебя три встречи с ним в нерабочее время? И почему ты всегда отменяешь мои звонки после семи вечера?

Лера подняла голову. Один палец остался на тачпаде, другой она положила на край распечатки. Двигать лист к себе не стала. Смотрела на меня так, словно я помешала ей выполнить срочную работу, и она из вежливости готова выслушать. Я знала этот взгляд: Артём делал так же, когда хотел объявить мои вопросы капризами.

— Марина Викторовна, — прошептала она, и её нижняя губа предательски задрожала. — У меня болит голова. От этого давления... Я не могу так больше. Артём Сергеевич просил мне помочь с отчетом, но вы всё превращаете в допрос.

Она достала телефон. Экран засветился перед моим лицом: скриншот нашей переписки с Артёмом, где он пишет мне «Не трогай девочку, она нервничает». Подпись под изображением: Переслано Артёму.

— Он знает, что вы здесь, — сказала Лера тихо, убирая телефон. — И юрист тоже. Не усложняйте жизнь.

Лера убрала телефон экраном вниз. Точно так же мы прятали аппараты на закрытых совещаниях. Я посмотрела на ее часы, на сумку возле стула. Все это появилось у нее за месяц. Сама я годами откладывала покупки, потому что «сейчас нельзя выводить деньги из оборота». Мне захотелось назвать сумму — какую угодно, лишь бы она перестала строить из себя обиженного ребенка.

— Сколько он тебе платит за ложь? — спросила я, понизив голос, чтобы это слышали только мы двое. — Твой оклад плюс премия за роль жертвы? Назови цифру. Я удвою. Просто скажи правду.

Она замерла, а потом резко встала. Ножки стула скрипнули по полу. За соседним столом перестали разговаривать. Я успела пожалеть о слове «удвою»: кому я сейчас предлагаю деньги, Господи? Но забирать его назад поздно. Лера уже повернулась к залу, оставляя меня лицом к чужим телефонам.

— Как вам не стыдно! — её голос сорвался на визг, разрезая гул кофейни. — Грязно! Пошло! Вы думаете, все продажны?!

Бариста положил питчер на стойку. Девушка у окна показала подруге мой стол, и та повернулась. Я смотрела на помятую распечатку между чашками. Хотелось забрать ее, но для этого надо было протянуть руку мимо Леры. Она отодвинулась, оставив мне место — слишком охотно. Будет удобно снять, как я вырываю у бедной девочки бумагу.

К нам подошел охранник. Здоровый мужик с короткой стрижкой и бейджем службы безопасности. Он знал Артёма лично; я видела, как они вместе курили на крыльце.

— Марина Викторовна, — охранник встал между мной и столиком. — Вам нужно покинуть зону отдыха. Вы пугаете персонал. И гостей.

Он подал мне распечатку и указал на выход. Вторую руку держал на поясе; я смотрела на нее, ожидая, что сейчас он возьмет меня за локоть. При всех. Лера осталась у столика, а меня выводили мимо этих лиц.

Развернулась к выходу и расправила плечи. Бабушка учила: даже если тебя гонят, не горбись. Лера догнала меня у двери, почти касаясь губами моего уха:

— Он любит тебя, Марина. Просто ты стала помехой для его бизнеса. Тебе лучше уйти.

Я остановилась и обернулась. Она стояла почти у моего плеча; отойти бы на шаг, а хотелось придвинуться еще ближе и спросить, что именно она называет любовью. От угроз в кабинете запястье все еще ныло. Лера посмотрела на него и улыбнулась. Я заметила в стекле двери отражение телефона за соседним столом. Нас продолжали снимать.

Лера проследила за моим взглядом и улыбнулась шире. Я уже протянула руку к ее локтю — опустила. Хватит сегодняшней фразы про деньги. Еще движение, и к записи моего предложения добавится, как я хватаю ее у выхода.

Стиснула челюсти так, что заныли десны. Обошла Леру и вышла.

В зеркале лифта хотелось стереть свое лицо: залом у рта, волосы выбились из укладки. Поправила их и разозлилась — зачем? На этаже было тихо. Даже разговора из приемной не слышно, только мои каблук.

Я села за свой стол и потянулась к клавиатуре. Разбудила монитор. На экране появилось окно входа.

«Доступ к корпоративной почте заблокирован администратором. Причина: проверка безопасности».

Попытка войти через личный аккаунт привела к той же ошибке. IT-служба ссылалась на приказ генерального директора. «Извините, Марина Викторовна, доступ временно ограничен. Обратитесь к руководству».

Руководство. Артём.

Набрала его номер. Гудки. Долгие, мучительные гудки. Затем — сброс.

Телефон завибрировал. SMS от неизвестного номера. Отправитель: Лера.

«Не стоит усложнять жизнь. Тебе будет лучше там, где нет цифр. Отдыхай.»

В почту я не вошла. Позвонить в IT можно сколько угодно — тот же ответ, тот же приказ. На рабочем столе стояла фотография мамы, рядом чашка, на которой я вчера оставила след помады. Все мое, а работать мне здесь уже не дают. Я открыла блокнот и выписала номера договоров, которые помнила наизусть. Хоть бумажные копии у них остались?

Отодвинула кресло. В кабинете Артёма оставались бумажные договоры, старые версии и черновики. Вчера снимала их украдкой. Сегодня потребую копию для работы: пока я еще CFO.

Пошла по коридору. Секретарша, новая девочка, которую наняли месяц назад, сидела за своим столом с таким видом, будто она хранительница гроба господня.

— Ключ от кабинета Артёма Сергеевича, — потребовала я.

Девочка даже не подняла глаз от телефона.

— Приказ сверху, Марина Викторовна. Внутренний порядок изменился. Доступ только по записи. Или в присутствии самого Артёма Сергеевича.

— Я CFO этой компании, — процедила я, чувствуя, как кровь приливает к лицу. — Мне нужен документ. Прямо сейчас.

— Я только исполнитель, — равнодушно пожала плечами она. — Идите в HR, если хотите уволиться.

Уволиться? Вот как охотно она подсказала. Самой написать заявление, а потом объяснять, зачем после увольнения полезла в служебные документы. Я сжала распечатку. Обойдутся без моего заявления.

Глава 4

В этот момент в конце коридора слышались шаги. Мерные, уверенные. Я обернулась. Виктор шел по коридору, держа очки за дужку. Секретарша заметила его раньше меня и выпрямилась. Я еще помнила, как минуту назад она отправляла меня в HR; теперь уже придерживала журнал посетителей, чтобы страница не перевернулась. Виктор посмотрел на нас обеих. На распечатку в моей руке задержался взглядом.

Для Виктора ключи нашлись бы сразу. Я покосилась на журнал: пусть хотя бы мой визит запишет, а не только его.

— Марина, — Виктор убрал очки в карман и кивнул на распечатку. — Ты выглядишь так, будто хочешь кого-то убить. Или просто забрать свои вещи.

— Что ты тут делаешь? — спросила я, убирая распечатку за спину. Он работал с конкурентами Артёма. Им очень пригодилось бы то, что я могу рассказать о компании.

— Наблюдаю, — улыбнулся он. Улыбка была безрадостной. — И предлагаю помощь. Но есть условие.

Виктор подошел ближе. Отступила к двери переговорной, чтобы перестать чувствовать табачный запах от его пиджака.

— Расскажи мне всё. Про Леру. Про кофейню. Про то, что ты пыталась сделать здесь. Каждую деталь. Каждое слово.

— Зачем? Чтобы ты использовал это против Артёма?

— Чтобы спасти тебя от полиции, — ответил он жестко. Его тон стал деловым, рубленым. — Они уже подали заявление. Преследование сотрудника, угрозы, попытка несанкционированного доступа к служебному помещению. Если ты не дашь мне материал сейчас, завтра утром тебя вызовут на допрос. А твои адвокаты будут заняты другими клиентами.

Я замолчала. Вчера он вытащил меня из запертого кабинета; сегодня уже говорил о новом заявлении. За одну ночь список моих якобы преступлений вырос.

— Мы можем обсудить это в переговорной, — предложил Виктор, указывая рукой на дверь напротив кабинета Артёма. — Гарантирую конфиденциальность. По крайней мере, пока мы говорим о стратегии защиты.

Я не хотела рассказывать ему про кофейню. Про свою совершенно идиотскую попытку купить правду особенно. Но он стоял рядом, не торопил, и секретарша перестала изображать, что не слышит нас. Обсуждать это перед ней было еще хуже. Я открыла дверь переговорной и вошла первой.

Комната была маленькой, с большим столом из стекла. Виктор сел напротив, включил диктофон.

— Начинай, — сказал он.

Начала с расписания, потом рассказала про деньги и угрозы. На слове «удвою» запнулась и повторила. Хуже всего было слышать свой голос и знать: это тоже останется в записи.

Дверь открылась бесшумно.

На пороге стоял Артём.

Артём посмотрел на диктофон, потом на меня. Вздыхнул с таким разочарованием, что захотелось объясниться. Как перед учителем, у которого списала контрольную.

— Марина, — мягко произнес он, входя в комнату. Дверь закрылась за ним. Замок щелкнул. — Зачем ты устраиваешь этот цирк?

Я замолчала, глядя на него. На его спокойное лицо, на идеальные складки брюк, на уверенность в каждом движении.

— Ты же знаешь, что Лера просто боится тебя, — продолжил он, подходя к столу. Он взял чашку кофе, стоявшую рядом с моими документами. Пар еще поднимался. Свежий. Горячий.

Мой любимый сорт. — Она не понимает, почему ты на неё давишь. Она просто хочет помочь бизнесу. А ты... ты ревнуешь к работе.

Артём объяснял мою ревность человеку, к которому я сама обратилась за защитой. Я смотрела на чашку в руке мужа; из нее еще шел пар. Виктор не перебивал. Только перевернул страницу блокнота. Я искала у него на лице хоть какой-нибудь знак: возмущение, насмешку, обещание вмешаться. Ничего. И от этого хотелось подняться и уйти от обоих.

Виктор прищурился, глядя на Артёма. Тот выдержал паузу: мог начинать снова.

— Виктор, спасибо, что присмотрел за женой, — Артём повернулся к адвокату. «За женой» произнес так, словно оставил меня здесь с пальто и теперь пришел забрать. — Но мы можем решить это внутри семьи. Без свидетелей.

Виктор продолжал писать. Пригласил меня говорить начистоту — я рассказала, включая глупость в кофейне. А теперь Артём распоряжался, кто останется свидетелем. Я подалась к краю стола, пытаюсь прочесть блокнот. Что там: слова мужа или пометка о моей ревности?

Расписание Леры лежало передо мной. Три поздние встречи: вот они, подчеркнутые строки. Для меня — ложь мужа, для него — работа, которой мешает жена. А на фотографии из ресторана работала уже я; там ему удобно видеть любовника. Я подтянула лист к себе. На диктофоне горел индикатор записи. Пусть хотя бы слова Артёма останутся.

Артём протянул мне чашку кофе.

— Выпей, — сказал он ласково. Пальцы легли на мою руку, когда я брала чашку. Меня передернуло; придержала блюдце, чтобы не звякнуло. Виктор видел, но продолжал писать. Я поставила чашку дальше от края стола.

— Ты выглядишь ужасно, — добавил он, глядя мне в глаза. — А Лера... она просто хочет, чтобы ты была счастлива. Даже если для этого тебе нужно уйти.

Я взяла чашку и сделала маленький глоток. Кофе горчил во рту; еще вчера я пила его с удовольствием. Артём улыбнулся. Виктор записал что-то в блокнот.

Я поставила чашку. Больше ни слова про то, кого Артём любит и кто кому мешает. В следующий раз принесу документ, который нельзя пересказать как женскую истерику. Со счетом, датой, подписью. А эту распечатку расписания заберу сейчас: нечего оставлять им еще одну удобную вещь.

Пока меня еще пускают в кабинет, надо добраться до архива контрактов. После увольнения туда придется идти иначе.

Артём пустил меня в кабинет с отчетом. Мой ноутбук стоял рядом с его. На ковре еще виднелось пятно от чашки Леры — его пытались вывести, но получилось только светлее. Я отодвинула кресло так, чтобы дверь была видна сбоку. Если Артём вернется раньше, успею закрыть нужное окно. Ладони потели, и клавиатуру я уже успела испачкать.

Из переговорной доносился голос мужа. Он рассказывал инвесторам про сроки сдачи, и на слове «гарантируем» я невольно усмехнулась. До конца встречи оставалось двенадцать минут — по расписанию. Потом его могли задержать вопросами. Могли и отпустить раньше. Проверила часы и выбрала административную панель СФО.

Логин, пароль... Красная надпись: «Требуется двухфакторная аутентификация». Еще вчера хватало моего пароля.

Код отправили Артёму. Я смотрела на надпись о подтверждении и боялась, что телефон уже завибрировал у него в кармане. Попытаться еще раз? Нет. Если придет второй код, он точно заметит. Для экстренных аудитов у нас оставался отдельный вход, его сделали три года назад по моему запросу. Пароль был в записной книжке. Открыла ее на коленях и нашла страницу с загнутым уголком.

После ввода пароля открылся список папок. «Контракты_Лера_2023» — название само бросилось в глаза. Выбрала копирование. Четверть уже на диске; остальное тянулось медленно,

и я несколько раз проверила, не остановилась ли загрузка. За стеной Артём продолжал говорить. Слов я больше не различала.

Поверх загрузки выскочило сообщение системы безопасности: «Обнаружена подозрительная активность. Учетная запись M.Volkova загружает защищенные данные». Моя фамилия, мой вход. Кто-то у администратора может читать то же самое. Закрыла окно, хотя прекрасно понимала: запись от этого не исчезнет. Проценты все еще росли. Я задержала дыхание, прислушиваясь к коридору.

Я отключила беспроводную сеть на ноутбуке и подключила ethernet-кабель. Это не убирало уведомление у администратора; оставалось надеяться, что он прочтет его после загрузки. Прогресс-бар замедлился, но продолжил ползти: 60%... 75%...

В коридоре повернули ручку. Я подняла голову и перестала нажимать клавиши.

Захлопнула ноутбук; загрузка продолжалась в фоне. Дверь распахнулась, и новый охранник Артёма занял почти весь проем. Здоровенный, с наушником в ухе. Его наняли после скандала с Лерой. Даже в коридор не выглянуть мимо него.

— Марина Викторовна? — спросил он сухо. — Артём Сергеевич просил проверить, все ли здесь в порядке.

— Все отлично, Дмитрий, — ответила я тем голосом, каким начинала совещания. — Работаю над квартальным отчетом для нового инвестора. Вы можете быть свободны.

Дмитрий посмотрел на кабель, потом на мою записную книжку. Я положила ладонь на страницу и ждала. Он вышел. После щелчка двери я подняла крышку: девяносто восемь процентов. Осталось чуть-чуть, черт бы его побрал. Я не знала, сколько это «чуть-чуть» займет, и потому боялась даже моргнуть.

Глава 5

Через минуту дверь открылась снова. Теперь это был он.

Муж вошел и первым делом посмотрел на ноутбук. Я подняла руки с клавиатуры. Придворяться, что ничего не происходит, было поздно: шкала копирования осталась на экране. Он подошел с моей стороны стола, чтобы видеть и меня, и загружавшиеся файлы. За его плечом маячил Дмитрий.

— Что ты искала в архиве контрактов, Марина? — он говорил негромко, при Дмитрии — почти заботливо. Мне от этого голоса стало страшнее. — Там нет ничего полезного для нас обоих. Только мусор и старые долги.

Я выпрямила спину, стараясь придать лицу выражение скуки.

— Налоговые вычеты, Артём. Новый инвестор требует аудита прошлых периодов. Я проверяла корректность начислений. Если бы ты не заблокировал мне права на сервер так внезапно, мне бы не пришлось искать обходные пути.

Артём улыбнулся. Так он встречал подрядчиков, пойманных на завышении сметы. Обычно я сидела рядом и показывала им цифры.

— Аудит, говоришь? — Артём подошел вплотную. Коленьями я упиралась в стол, отодвинуться было некуда. Дерево и табак — знакомый парфюм, от которого сейчас мутило. — Знаешь, Марина, в твоей версии есть одна дыра. Инвестор еще не подписан. А значит, никакого срочного аудита не было.

Я еще могла сказать, что Клейман попросил предварительные цифры. Это было бы правдоподобно. Но Артём смотрел на название папки, а там стояло имя Леры. Мой ответ уже ничего не исправлял. Я прикрыла записную книжку, оставив палец между страницами. Хоть пароль не достанется ему вместе с ноутбуком.

Артём достал телефон, набрал номер и включил громкую связь, даже не глядя на дисплей.

— Привет, Славик. Это Артём. Да, сейчас. Мне нужно полное отключение всех прав пользователя М. Волкова. Блок на вход в здание тоже активировать немедленно. Через пять минут она должна быть физически вне периметра офиса. И Славик... если увидишь какие-то файлы, которые она пыталась скачать, удали их навсегда. Безвозвратно.

Он сбросил звонок и посмотрел на меня сверху вниз.

— Ты думаешь, я не вижу, как ты копаешься в прошлом? — прошептал он, наклоняясь к моему уху. Его дыхание было горячим и неприятным. — Ты подписала черновик контракта на раздел активов вчера утром. Завтра судья увидит твои «измены». А сегодня ты просто уволенная жена без доступа к деньгам. Даже к своей кружке, из которой ты пила чай на утренних встречах.

Я покачнулась и схватилась за край стола. Артём смотрел на мои пальцы; я разжала их и выпрямилась.

Дверь кабинета открылась без стука. Вошли два молодых парня в серых униформах IT-отдела и секретарша Катя, которая обычно избегала моего взгляда.

— Марина Викторовна, нам нужно провести вас в зону обслуживания, — сказал один из техников, уже глядя на ноутбук.

Подожли к нему с двух сторон. Один отсоединил сеть, второй повернул ко мне экран с оборванной загрузкой. Раньше спрашивали, когда мне удобно. Сейчас даже ответа не ждали.

На мониторе ярко горела надпись белыми буквами на черном фоне: ACCESS DENIED.

Я наклонилась к экрану: что успело скопироваться? Надпись закрывала список файлов.

Пришлось идти за вещами к своему столу. Рамка с фотографией мамы не помещалась в сумку; завернула ее в шарф. Кружку взяла за ручку. Катя стояла рядом, держала дверь откры-

той и смотрела куда угодно, только не на меня. Я попросила пакет. Она принесла прозрачный файл для документов. Мы обе посмотрели на него и ничего не сказали.

В коридоре Артём шел за мной до лифта. У него в этот раз хватало времени. Вошел следом; я стояла с кружкой и завернутой в шарф рамкой. В зеркале мы все еще выглядели супругами, которые вместе едут с работы. Только я держала свои вещи, а он смотрел, чтобы никуда не свернула. Молчали до холла.

У служебного входа Дмитрий снова преградил путь. Я прижала рамку к себе, чтобы не задеть его, и остановилась.

— Извините, Марина Викторовна. Ваш пропуск аннулирован. Вам нужно покинуть территорию через главный выход для гостей.

В холле люди предъявляли пропуска, смеялись, ждали лифт. Мимо прошел бухгалтер с папкой, кивнул мне и ускорил шаг. Я переставила кружку из одной руки в другую. Мне некуда было ее деть, и от этой нелепой мелочи хотелось заплакать сильнее, чем от приказа об увольнении. Сейчас выйду, закажу машину и наконец поставлю ее на сиденье.

Телефон в кармане завибрировал. Одно сообщение. От Виктора Сорокина.

«Ты вышла? Не возвращайся за ноутбуком. Встречаемся через час. Адрес пришлю отдельно. Посмотри вложение.»

Приложенный файл назывался «Evidence.pdf». Я дрожащими пальцами коснулась экрана. Файл открылся. Я увеличила верхнюю строку с именами участников.

Скриншот переписки в Telegram между Артёмом и Лерой. Я приблизила строку с датой: сегодняшнее утро, 8:45.

Артём: «Она попросилась доделать налоговый отчет. Сейчас отрезаем ей кислород. К вечеру она будет умолять о пощаде. Подготовь финальный пакет документов для суда. Пусть видит, что её любовь была всего лишь ресурсом, который мы исчерпали.»

Лера: «Вы уверены, что она не сделает глупостей?»

Артём: «Марина слишком умна, чтобы делать глупости. Она просто тихо уйдет. Как всегда.»

Я прочитала это дважды. Третий раз, чтобы убедиться, что глаза не врут.

Утром он уже собирался отрезать меня от сети. Ни налоговый отчет, ни приглашение в кабинет не были попыткой договориться. Он позволил мне сесть за ноутбук и дождался, пока я полезу за документами. Я вернулась к первому сообщению. Восемь сорок пять. В это время я еще ехала к нему.

Виктор прислал чужую переписку. Откуда? Я могла гадать сколько угодно, но скриншот лежал в моем телефоне, а мой ноутбук остался у Артёма. Сорокин сейчас знал о нас больше, чем я хотела бы ему рассказывать. Надо будет спросить прямо. И не позволить отшутиться, как он обычно делал.

Скриншот сохранила отдельно. Его тоже надо проверить.

Подняла голову: на стекле отражался холл и я с кружкой в руке. До чего же нелепо. Оставила машину без денег на парковку, а теперь еще и с пакетиком личных вещей из собственного офиса. Но встречу с Виктором отменять не стану. Мне нужен доступ к документам, и жалеть себя можно после.

Я написала Виктору: «Жду адрес». Потом нашла машину в приложении и села наконец на диван в холле. На коленях поставила свою дурацкую кружку.

Глава 6

Охранник в лобби «Сорокин и партнеры» загородил проход. Я показала ему сообщение Виктора, но он смотрел мне в лицо. Узнал. Поправила воротник пальто: под глазами синяки, руки трясутся. Хорошенькая клиентка для солидной фирмы.

— Вы бывшая жена Артёма Волкова, — сказал охранник, повернув голову к микрофону на лацкане. Я опустила телефон: все, что скажу ему, услышат и на другом конце. — Вход для посторонних закрыт. После восьми вечера особенно.

Секьюрити произнес «бывшая жена» так уверенно, что я едва не начала спорить: мы еще не разведены. Ну и что это даст? Он держал проход закрытым и смотрел на меня, ожидая, когда уйду. Я стиснула телефон. Сначала договорюсь, чтобы меня пропустили, потом буду выяснять, кто здесь уже сообщил о моем разводе.

— Уберите руки, — бросила я охраннику, который потянулся к воротнику моего пальто, чтобы мягко, но настойчиво развернуть меня к выходу.

Подняла телефон. Пальцы скользили по экрану, влажные от холодного пота. В сообщении Виктора наконец появился номер этажа. Я набрала его и включила громкую связь. Охранник слышал каждое слово.

— Пропустите Марину, она ко мне, — сказал Виктор. Охранник убрал руку и нажал кнопку вызова лифта.

Когда створки открылись, я вошла и нажала кнопку нужного этажа. Внутри пахло хлоркой. Охранник остался у стойки, провожая меня взглядом.

Монитор освещал край стола. Виктор сидел спиной ко входу. Рядом с ним стоял бокал виски, вполне полный, хотя встреча была рабочая. Я задержалась у двери. Очень хотелось спросить, почему охрана меня не пускает, но он даже не обернулся. Устроился удобно, а я снаружи мокла. Это раздражало сильнее, чем должно было.

Я прошла к столу. Виктор подождал, пока я вытащу флешку. Не попросил сесть, не спросил, как добралась. Я тоже не собиралась начинать с погоды и моего бедственного положения. Пальцы плохо слушались: флешку пришлось доставать двумя руками, чтобы не уронить. Положила между нами и сразу убрала ладони со стола.

На флешке лежала рабочая резервная копия отчетов, сделанная еще до блокировки. Я помнила суммы и могла объяснить каждую. Этим мы и займемся, если Виктор наконец перестанет молчать.

— Я знаю, что ты знаешь правду об инвесторе, — сказала я. Виктор посмотрел на флешку; я придержала ее пальцем, пока он не поднял глаза. — Я не прошу защиты, Виктор. Я предлагаю сделку.

Он медленно повернулся ко мне всем креслом. Свет монитора падал на скулу; вблизи стали видны тени под глазами. Улыбнулся, а я все еще ждала ответа. Флешка лежала между нами. Виктор ее не брал, оставляя мне возможность убрать палец и передумать.

Вместо ответа Виктор взял трубку стационарного телефона и начал набирать номер. Кнопки оставались у меня на виду. Последние четыре цифры знала наизусть: Артём. Он прижал трубку к уху, а я продолжала смотреть на телефон. Хотела забрать флешку со стола, но пришлось бы протянуть руку прямо перед Виктором. Мы еще ничего не обсудили, а он уже звонит моему мужу. Я отодвинула сумку ближе к себе. Если сейчас предложит мне поговорить с Артёмом, уйду.

Уперлась каблуком в пол, готовая подняться. Виктор еще слушал гудки. Сколько он собирается держать меня так? Трубка с глухим стуком легла на рычаг. Он ничего не сказал Артёму — и мне тоже.

— Он бы не ответил, — сказал он спокойно, делая глоток виски. — У него сейчас совещание с ФСБ по поводу «Золотых ворот». Ты пришла на час позже, чем мы договорились. Артём уже в панике. Он понимает, что контроль над ситуацией уплывает.

Села, когда он положил трубку. Не хотелось, чтобы он видел, как меня трясет после этого звонка. Виктор пил виски и ждал следующего вопроса. Можно считать, что он меня проверял. Можно считать, что просто любил пугать людей. Я собиралась выяснить только одно: что именно он готов сделать для меня, а не против Артёма.

— Чего ты хочешь? — спросила я, подвигая стул ближе к столу.

В бумагах, которые он придвинул ко мне, я узнала формулировки мужа. Согласна на раздел, претензий не имею. Отдельно — ошибки в ведении финансов компании. Именно эту строку я перечитала трижды. Ошибки не названы, суммы не указаны. Артём сможет вписать туда что угодно, если я подпишу, не разбираясь.

В приложении стояло условие о проверке документов: согласие действует на основе предоставленных данных. Если они ложные, соглашение можно оспаривать. Виктор ткнул пальцем в это место. Я подвинула лист к лампе, чтобы прочитать сноску целиком. Без меня он ее дальше не перевернет. Хватит с меня той утренней подписи.

— Ты станешь моими руками внутри компании, — сказал Виктор, водя пальцем по тексту. — Подпишешь это. Выглядеть будет как сдача позиций. Но для суда это будет ловушка. Риск есть. Артём скажет, что документы сфабрикованы. Или что мы намеренно исказили их смысл. Его защитник будет добиваться дела о подлоге уже против тебя. С этим можно сесть, Марина. Я хочу, чтобы ты услышала это до подписи.

Подлог. Он сказал это слово почти между делом. Я перечитала приложение: в нем были мои настоящие цифры, а не выдуманные отчеты. Даже так защитник Артёма попытается назвать их ложью.

Рядом с флешкой лежала черная ручка. Подвинула ее кончиком пальца, но брать пока не стала. «Истеричка» — Лера произносила это охотно, громко. Потом мне не хватило денег даже на воду. Артём уже собирал свою папку, пока я стояла перед кассой с заблокированной картой. А теперь еще один мужчина ждал моей подписи.

Одна моя подпись уже стояла под документом, которого я не прочитала. Сейчас сделаю иначе: дочитаю приложение, пересчитаю сумму и только тогда возьму ручку. Больше от меня пока ничего не требуется.

— Если я упаду, ты вытащишь меня? — спросила я. Виктор смотрел на лист. Пришлось дожидаться, пока посмотрит мне в глаза.

Виктор усмехнулся. Впервые за вечер его лицо дрогнуло.

— Я буду защищать тебя. Но подпись за тебя поставить не могу. И гарантировать исход тоже.

Ручка была тяжелая, непривычная. Я расписалась на своем экземпляре и на его, проверяя, чтобы листы не поменялись местами. Последнюю букву вывела слишком крупно, за край строки. Виктор забрал бумаги. Я положила ручку на стол, а свой экземпляр убрала в сумку — не оставляю его здесь даже на минуту.

Глава 7

И тут свет погас.

Лампа погасла, монитор тоже. Сначала я подумала, что Виктор выключил свет. Но в коридоре кто-то выругался и хлопнула дверь. Я положила ладонь на сумку: документы внутри. В темноте слышалось, как Виктор встает. Бокал звякнул о стол, я даже вздрогнула. Потом он сказал, чтобы я оставалась на месте.

Виктор придержал кресло, чтобы не задеть его в темноте, и сказал:

— Это не охрана. Это Лера. Она искала тебя весь день.

Я сжала сумку. Мой экземпляр внутри, можно уходить. Только Лера сейчас между мной и выходом. Пока мы разбирали сноски, она искала нас по всему городу. Добралась. Даже сегодня мне не дадут уйти спокойно.

Дверь распахнулась. Свет аварийных ламп в коридоре пробился узкой полосой, освещая фигуру в дверном проеме. Лера стояла там, с телефоном в руке, направив камеру на нас. По ее щеке бегал свет экрана; она проверяла, попадаем ли мы оба в кадр.

— Привет, Марина, — ее голос звенел от торжества. — Артём сказал, что ты здесь. Он уже едет.

Лера держала телефон обеими руками: так проще снять, когда мало света. В объектив попадала я, а Виктор оставался сбоку. Я заслонила лицо ладонью. Лера сместилась следом. Мне захотелось выдернуть аппарат, разбить его о край стола. Сдержалась. Сначала хотя бы прикрою объектив.

Вышла из тени к телефону. Лера подняла его выше, чтобы я вся попала в кадр. На секунду показалось: сейчас смотрю прямо в глаза Артёму. Пусть смотрит. Сняла ладонь с лица и подошла еще ближе.

Лера попятилась. Ей понадобилось отвести телефон подальше, чтобы снова навести на меня камеру. Тут я и выхватила аппарат: ухватила за край, дернула, не давая ей перехватить его удобнее. Она вскрикнула. Палец попал на кнопку, экран погас; запись остановилась. Я держала телефон между нами. Попробуй теперь снять, как я плачу.

— Скажи ему, что мы обсуждали условия развода, — я вернула телефон, задержав пальцы на корпусе, пока Лера не посмотрела на меня. — И что я согласна на всё. Кроме одного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.